

11 апреля 1979 года Леонид Быков возвращался на своей «Волге» с дачи под Киевом, когда перед ним вдруг возник трактор. Леонид Федорович пошел на обгон, но в это время по встречной двигался грузовик...

Мне говорили: «Отдашь архивы — будешь жить»

Без малого четверть века прошло после той автокатастрофы. Артиста и режиссера Леонида Быкова не забыли. Самую известную его картину «В бой идут одни старики» часто крутят по ТВ, о нем самом снимают фильмы и пишут книги, а в разных городах Украины устанавливают памятники и мемориальные доски: «Здесь жил... учился...» О нем рассказывают те, с кем он работал, общался. И только близкие Леонида Федоровича — его вдова Тамара Константиновна, дочь Марьяна и сын Олесь всем интервью предпочитают молчаливую память о муже и отце.

стиле — на маленьком листочке, который назвал «А если это конец...» Мы нашли его уже после папиной гибели. И о многих вещах он нас предупредил. К слову, за четыре месяца до смерти папе исполнилось 50 лет, но он отказался от празднования юбилея и в Союзе кинематографистов, и на Студии им. Довженко.

— **Из скромности?**
— Не только. Это была величайшая боль и обида на тех, из-за кого он не мог работать... Так вот, представьте себе, что перед юбилеем папа вдруг заявил, что ему не нужна генеральная репетиция его похорон, и уехал из Киева. На последнем дне рождения были только мы и настоящие друзья — те, кто хранит папины архивы. Я не могу их на-

Кадр из фильма «В бой идут одни старики» (Леонид Быков — четвертый слева)

фото ИТАР-ТАСС

Дочь Леонида Быкова Марьяна:

Проще сказать, что он покончил с собой

24 года назад артист погиб в автокатастрофе под Киевом

— Большая часть публикаций в прессе — вымысел псевдодрузей и нынешних биографов папы, — сказала мне Марьяна. — О моей маме пишут, что она шизофреничка, родившая меня и брата в период обострения болезни. И что бы мы сейчас ни рассказывали, нас уже слушать не будут; нельзя ведь верить тому, что говорят шизофреники. Гораздо интереснее прочитать, что семья не любила Быкова, чем то, что он всю жизнь обожал жену и детей. Нам не прощают, что мы не отдали в чужие руки архивы, что не рассказываем, как он жил.

— Много лет назад на Украине был снят фильм о Леониде Быкове «...Которого любили все». Судя по вашим словам — не все?

— И да, и нет. Простые люди до сих пор его любят и помнят. И я им за это очень благодарна. Но есть и другая «любовь». Так называют друзей. Которые поняли, что имя Быкова открывает всякие двери, что на нем можно спекулировать, превратив в разменную монету, и что это хорошо оплачивается... А мы, свидетели, мешаем им зарабатывать.

— А настоящие друзья у Леонида Федоровича остались?

— Остались. Как и мы, они молчат. Поступают так, как распорядился папа. Он был необыкновенно прозорливым человеком и знал, что будет после его смерти...

звать. Не хочу подвергать людей опасности. Достаточно того, что я сама пережила — несколько нападений, вплоть до попытки убийства, порванные связки. Нашу квартиру дважды вскрывали. Мне говорили: «Отдашь архивы — будешь жить». Просили продать, сулили хорошие деньги. Я сказала, что не торгую памятью отца.

Каждый день я молю Бога о здоровье мамы, семьи брата и супругов Склянских — наших старых ленинградских друзей. Благодаря Якову Ильичу и Берте Моисеевне мы живы. Они спасли нас в тот момент, когда буквально стоял вопрос: подождем мы с мамой или нет. Такое было отчаяние — хоть кончай с собой... — Это сразу после гибели отца?

— Да. Тогда многие люди, окружавшие его при жизни, раскрывшись. Играть уже смысла не имело. Папы не стало, и мы узнали цену всем дружбам и клятвам. Скажешь, все рухнуло... И в этот момент пришло письмо из Лос-Анджелеса. Склянские давно уехали туда из Ленинграда, с ними не поддерживалось практически никакой связи. Но в их письме было столько любви и тепла, что мы просто воспрянули духом. Эти листочки уже

ошиблись, а исправить документы уже нельзя — нет такого закона. Десять лет жизни брата ушло на то, чтобы его сняли с учета. Но возможности прокормить семью и троих детей в Киеве не нашлось, и в 1991 году Олеся как политического беженца приняла Канада. Теперь он гражданин этой страны, жена и уже четверо ребятшек с ним. Работает... Мама моя уже старушка, на пенсии. Третий год, с октября 2000-го, мы живем с ней в общежитии.

— Как это случилось?

— Пишут, что через неделю после гибели Быкова семья продала квартиру. О какой продаже недвижимости могла идти речь в советское время?... Прошло пять лет, прежде чем мы решились на размен. К тому времени я вышла замуж, брат женился, у него уже родился второй ребенок. В результате он переехал в однокомнатную в центре Киева, нам с мамой досталась двухкомнатная. Но вскоре мы обменяли ее сначала на квартиру в Тульской области, где прожили 8 лет, а позже — на Харьков. Это моя родина, там учились и познакомились родители... Возвращаться в Киев не было никакого желания. А для того, чтобы помнить и любить папу, нам не нужны ни торжества, ни фонды, ни памятные знаки на месте гибели — такое пиришество на крови. Живя в Харькове, мы часто бывали на его могиле, и об этом никто не знал.

— Но почему вы уехали из Киева?

— Очень тяжело жить во лжи. Первые годы о папе боялись вспоминать, потом на его имени стали делать бизнес. Организовывались фестивали, создавались концертные бригады. Люди ездили по стране и рассказывали небылицы. А мы знали цену этим людям и не могли смотреть им в глаза и слушать то, что они говорят...

Но в 1997 году меня разыскал гендиректор Студии им. Довженко Николай Машенко и пригласил поработать в его новой картине. Говорил, ситуация изменилась, тех людей уже нет и у меня начнется жизнь с чистого листа. Я долго сомневалась, но, даже приняв решение вернуться, какое-то время жила на две семьи и только в 2000-м перевезла маму. Квартирами мы с братом поменялись, и его однокомнатная в центре Киева перешла мне. Продав

ее, мы с мамой купили двухкомнатную на выселках; оказалось — купили у мошенников, и остались без жилья и без денег. На месяц нас поселили в общежитии киностудии, и вот уже третий год мы живем здесь. И третий год я борюсь за то, чтобы нам вернули деньги или квартиру... Хотя кого интересует эта лирика? Ведь люди, читающие газеты, уже знают, что Быковы квартиру продали и все деньги пропили... Это лично вам я могу сказать, что, когда не было средств ни на суды, ни на операцию и лечение мамы, ни на жизнь, нам пришлось с разре-

жала против любого использования имени папы. Да он и сам был бы против такой «памяти». Но меня убедили, что все будет делаться чистыми руками, и я поставила свою подпись. Организаторы обещали поговорить с мамой — должно было быть ее разрешение. Однако маму проигнорировали, и фонд был зарегистрирован на основании только моей подписи, которая, я так понимаю, не имела юридической силы. А вскоре у нас появились сомнения в честности этих людей, и мама с братом обратились в Минюст с просьбой снять имя Быкова из названия. Было

“ Был необычайно терпеливым, сдержанным и наивным. А если убеждался, что человек поступает недостойно, вычеркивал его из жизни.

шения Олеся фактически заложить его квартиру. Теперь у нас вообще нет никакого жилья. И возвращаться ему некуда.

Не могу утверждать, что автокатастрофа была подстроена

— Простите, Марьяна, а почему до сих пор муссируется тема о самоубийстве Леонида Федоровича? Ведь было следствие...

— Проще сказать, что Быков покончил с собой, чем объяснять, как трудно он жил, почему у него к 50 годам было 3 инфаркта. Папу ведь не приняли сразу, с первого же дня приезда в Киев. Он так и ушел из жизни, не поняв, зачем его сорвали из Ленинграда и пригласили сюда, если он был здесь не нужен... По медицинским заключениям смерть наступила в результате травм, не совместимых с жизнью.

— Просто автокатастрофа?

— Не просто.

— Была подстроена?

— Я не могу этого утверждать. Не буду спорить с официальными заключениями. У меня есть своя точка зрения. Но я не хочу, чтобы вы об этом писали.

— Это правда, что вы настояли на том, чтобы из названия благотворительного фонда, созданного после смерти Леонида Быкова, убрали его имя?

— С самого начала мама, как наследница, категорически возра-

большое противостояние, но мы добились своего.

— Вам сейчас трудно жить с фамилией Быкова?

— Нам всегда с ней было трудно, но особенно тяжело бывает дважды в год — в декабре, в день рождения папы, и в апреле, в день его смерти...

Папа был необычайно терпеливым, сдержанным и наивным. Очень доверял людям. А если убеждался, что человек поступает по отношению к нему недостойно, вычеркивал его из своей жизни. При этом он мог, не подавая вида, вежливо здороваться с этими людьми. И лишь одну женщину за полтора года до гибели просто перестал замечать. Это его редактор Эмилия Косничук, которая теперь рассказывает сказки про то, как за три дня до смерти Быкова случайно обнаружил в своем столе письмо-завещание...

Слухов вокруг нас до сих пор много. Можно подать в суд и назвать подлека подлецом. Но всякий раз, когда я порываюсь защитить честь и достоинство семьи, брат говорит: «Не лезь в эту грязь. Сегодня докажешь, что моешь шею, а завтра напишут, что ты не чистишь зубы. И что, всю жизнь будешь полоскаться?» Мама добавляет: «Не унижай ни нас, ни папу этими выяснениями». И я понимаю, что они правы.

■ Татьяна Петрова.

“ О своей смерти он написал на маленьком листочке, который назвал «А если это конец...» Мы нашли его уже после папиной гибели.

— Вы имеете в виду завещание, которое он оставил друзьям Николаю Машенко и Ивану Михайличу?

— Нет-нет. Это письмо мы так и не видели, только слышали о нем много. Да и с ним все не так, как пишут. Вы, наверное, заметили, что дают интервью одни и те же люди, представляя все в выгодном для них свете?... Как человек, перенесший три инфаркта, папа понимал, что ему осталось немного. Но не стал собирать всю семью, чтобы отдать распоряжение, как нам жить дальше. Он сделал это в своем

выцвели, пожелтели, но до сих пор заражают нас добром, которого мы не получили от людей, находившихся формально и географически гораздо ближе.

Третий год мы с мамой живем в общежитии

— Марьяна, вы работаете редактором на Киевской киностудии. А как сложилась судьба вашего брата Олеся?

— Он давным-давно сбежал из Киева. Это долгая история... Его упрятали в сумасшедший дом, поставив диагноз шизофрения. Потом выяснилось, что врачи